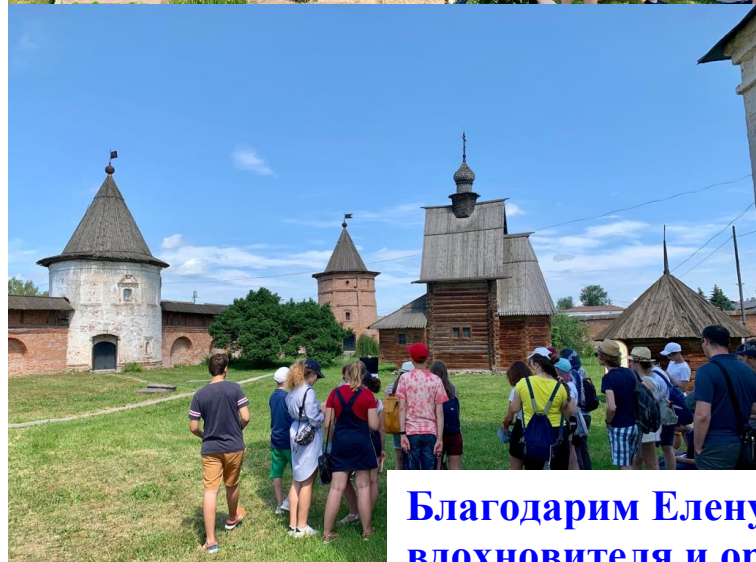

ГОНТ

Газета о нашей гимназии

30 апреля 2020 года № 6 (250)

Воспоминания о прошедшем лете гуманитарная практика 8Г

Благодарим Елену Всеволодовну Терещенко,
вдохновителя и организатора гуманитарной практики,
за предоставленный материал

Время открытий

Лето. Как много эмоций, ощущений и чувств возникает при произнесении этого слова. Лето – это время открытий, время бросать вызов самому

себе, время путешествовать. И лично для меня каникулы запомнились прекраснейшей гумпрактикой, полной замечательных мгновений.

Если вы хотя бы немного интересуетесь своей необъятной страной, то вам обязательно следует побывать во Владимире (и не раз). Старинный город с 10 века могуче возвышается над полями, а леса, словно спокойное море, покрывают горизонт бледно-бирюзовой линией. Золотые купола белокаменных соборов и храмов отдают блеском. Это и есть Владимир.

А началось моё путешествие с так печально известной «Владимирки», ведущей к не менее популярному «Владимирскому централу». Дорога жертв, каторжников, ссыльников, путь в Сибирь. Мы ехали по нему так, как это делали до нас несчастные люди. Но это, наоборот, придавало больше задора и огня в глазах.

Сначала можно подумать, что Владимир умопомрачительных размеров, тем не менее, это неправда.

Территории его не так велики, как я представлял. Одновременно с этим, город наполнен памятниками архитектуры. Дмитриевский собор, Успенский собор, храм Покрова на Нерли, усадьба Андрея Боголюбского и не только это поразило меня в поездке, а также захватило моё сердце.

Взять, к примеру, знаменитый храм Покрова на Нерли. Грандиозное здание, возведённое в память о сыне Андреем Боголюбским на островке у реки Нерль, встречает своими улыбчивыми головами львов. Летом, в особенно знойную погоду с палящим солнцем, пробираться сквозь поле становится ещё более увлекательным, потому как невольно осознаёшь, что когда-то в давние времена, здесь с таким же трудом толпились крестьяне. И ты, подобно им, приходишь в храм, чтобы перейти в совершенно другой мир и восхититься его масштабам.

Или усадьба князя Андрея Боголюбского. Её можно описать как крепость с белоснежными стенами. Все хоромы выполнены так искусно, что даже в Европе некоторые феодалы могли позавидовать. Однако какими стенами себя не ограждай – от рока не уйти. Наверное, многие знают драматичный сюжет со смертью князя и предательством бояр. Но Боголюбский оставил нам в память о себе огромное количество памятников искусства.

И как-то незаметно промчалась за три дня вся гуманитарная практика. Все стихи, посвящённые увиденному написаны и зачитаны до дыр, остаётся лишь уехать по той дороге, с которой все и начиналось в закат... По «Владимирке».

Иван Шмаков, 8г

Храм Покрова на Нерли

Поле...
Бескрайний
зелёный ковёр,
вытоптанный
пилигримами.
Треск сверчков,
только
подчёркивающий
мертвенную
тишину, пронзает
насквозь. Но

здесь сливаются голоса природы, прошедшие сквозь века.

Твой путеводитель на бескрайнем просторе – Солнце, оно укажет тебе путь, поведаёт все тайны этого места. Кажется, что поле бесконечно, но, когда приходишь к храму, ощущаешь землю ещё чётче.

Вот ты уже прямо перед храмом, садишься на землю, от которой веет теплом, и начинаешь разглядывать храм. Он не настолько пафосен, как другие храмы и соборы. У него нет большого количества куполов или огромного пространства внутри. Но люди всё равно идут именно к нему. Их тянет именно к Покрова-на-Нерли, как будто в нём есть что-то родное. На аркатурно-колончатом поясе находятся различные маски: чередующееся добро-зло. А в конце этого ряда какие-то непонятные существа – то ли крокодилы, то ли павлины. Внутри храм очень маленький и уютный, ты чувствуешь себя в одиночестве, в храме можно уединиться.

Природа сливается с храмом и проникает прямо в сердце.

Варя Гаркуша, 8Г

Эх, жарким выдался июнь!
И только мёртвый разве что не стонет.
Но как известно:
Пар костей не ломит.
Жара и зной не могут помешать
Вдыхать Владимира святую благодать .
Передо мною чисто поле.
России матушки бескрайнее раздолье.
Благоухают травы здесь, а там
Ввысь устремляется прекрасный белый храм.
Ему холм рукотворный служит станом ,
И поясом стянули две реки,
Его венчает одноглавый чёрный купол.
Но аскетизм его и скромность так милы!
Андрея Боголюбского здесь помнят стены,
И символом сквозит здесь каждый лик,
Загадками и тайнами окутан,
В честь Покрова Святой Марии он возник!

Максим Новиков, 8г

Улыбки ожившего Средневековья

"Здесь погибла княжеская семья, здесь убили Андрея Боголюбского, а здесь работал Андрей Рублев..."

Рассказывая обо всем этом, экскурсовод не тратит даже пяти минут, спокойно называет даты жизни и смерти известных людей. Но если задуматься...

Ведь все эти люди - не придуманные герои из книг, они по-настоящему жили и видели почти то же, что и мы. Стояли там, где стоим мы сейчас. Они тоже что-то чувствовали, у них были свои судьбы, они тоже думали о своем будущем... Но наше сознание отказывается принимать это.

Каждому из нас кажется, что он особенный, что другие умирают, а его это не коснется, и о нас никогда не скажет в прошедшем времени какой-нибудь экскурсовод. Но, хотя это и не так, хотя никто не вечен, можно оставить след в истории, чтобы потом, через много лет, о тебе вспомнили - тогда ты оживешь.

Так и со Средневековьем. Мы можем узнать про него не очень много, и множество людей навсегда забыто и погребено под не толстым, но плотным культурным слоем нового и новейшего времени, но все равно, когда читаешь про него или слушаешь рассказы, оно оживает. Оно улыбается тебе. Но улыбка эта натянутая. Это улыбка человека, пережившего многое. А может, даже не улыбка, а хищный оскал улыбающихся львов, высеченных из камня на соборах Владимира.

Они, как символ Средневековья, охраняют хрупкий храм нашего времени, нашей жизни. Они служат его основой, но при этом и пугают своей жестокостью, дикостью и беспощадностью.

Надя Дзюра, 8г

Улыбки ожившего Средневековья

Когда на сердце тяжело и надежд на лучшее не осталось, бывает достаточно одной дружеской улыбки, чтобы силы вернулись к тебе. В Средневековье на Руси в тяжёлые моменты обращались к религии. И по сей день Средневековье шлёт нам свои улыбки с высоты сводов храмов и соборов.

Каждый храм уникален, но неизменно нас встречают бесконечно улыбающиеся львы. Они смотрят каменным белоснежным взглядом на нас, как когда-то смотрели на Андрея Боголюбского или на Всеволода Большое Гнездо. Львы смотрят, как будто хотят передать всё знание, которое они накопили, наблюдая со стен. Мы всё впитываем и, движимые любопытством, заходим внутрь храма.

Он весь исписан фресками. Они написаны несколько веков назад, но мы до сих пор находим успокоение или каемся под воздействием нежных улыбок святых, так же как в 12 веке молились и каялись прихожане.

Но всё же Средневековье было очень давно, а время не щадит никого. К сожалению, не все искусно написанные фрески мы удостоились чести увидеть. В храме Бориса и Глеба только в некоторых местах остались их фрагменты. И через них, словно солнце сквозь облака пускает свои лучи, проникает и окружает нас атмосфера Средневековья.

Посетив множество Средневековых творений, пропитавшись духом творчества, мы возвращаемся в Москву, чтобы сотворить что-то своё, и чтобы через несколько веков кто-нибудь написал эссе на тему "Улыбки Новейшего времени".

Ульяна Киселева, 8г

След человека на земле

Человек не создан для незаметного исчезновения. Он не должен растаять, как снег весной, он не может быть унесен ветром времени, как хрупкая пушинка одуванчика. Он призван, чтобы оставить след, который не будет забыт поколениями и народами. Этот след всегда созидателен, ибо человек по своей сути предназначен для созидания, и любые его поступки в той или иной мере должны служить этой высокой цели.

Усилиями истинных творцов создан современный мир во всем его великолепии. Эти «зодчие» проходили свой жизненный путь, открывая чертоги прошлого, вычерчивая план настоящего и созидая будущее своего народа, своей культуры. Князя Всеволод III и Андрей Боголюбский, подобно Гаю Меценату, не только увековечили свои имена в памяти жителей Владимира на целые тысячелетия, но и внесли неоспоримый вклад в развитие искусства своего княжества и всей Древней Руси.

Однако никакой след не был оставлен с мыслью о славе и признании, целью такого созидания была забота о совершенствовании реальности, любовь к согражданам и чувство сострадания. Так Михаил Воронцов жертвовал своим именем для облегчения страданий раненых, так Федор Гааз добивался гуманизации жесточайших условий содержания заключенных и каторжников.

Вклад в историю делают не только выдающиеся личности, но и обычные люди, имена которых канули в Лету. Как бы ни прискорбно это было осознавать, но именно им созидание дается ценой больших жертв, как, например, Ивану Сусанину.

История истинных гуманистических достижений сравнима с Золотыми Воротами: оставляя свой след в истории, всякий человек, осмысленно и ответственно относящийся к жизни, подобно каменщику, строит будущее на заложенном ранее фундаменте, и каждый след, словно подписанный камень, уникален. Эта артель каменщиков трудится тысячелетиями, и много работы ей еще предстоит выполнить.

Сергей Гулов, 8г

Причудливый узор

Мы едем по Владимирке, оставляя на пыльном асфальте большие следы от автобусных колёс. Но мы едем не просто по какой-то дороге, мы едем по следам каторжников, по следам обычных и великих людей, живших до нас. Как будто все они соединены этой дорогой, вот они идут рядом, люди разных веков. Все эти времена и эпохи одним узлом связывает Владимирка.

Вот доктор Гааз пытается помочь встать каторжникам, упавшим от бессилия из-за тяжёлых, горячих кандалов. Он всю свою жизнь посвятит бедным, беспризорным и заключённым. Убийцы, воры, бунтари – облегчение их страданий станет его главной целью. После себя доктор Гааз оставит очень яркие следы.

А вот рядом в карете едет Наталья Борисовна Долгорукая с многочисленной семьёй. Она, как героиня романа, пожертвовала своей свободой ради любви, обрекая себя на очень тяжёлую судьбу.

Рядом на телегах провозят раненых солдат с Бородинского сражения. Среди них легендарный Багратион. Это бывший простой солдат, с помощью острого ума, сумевший подняться вверх по карьерной лестнице, приобрести непоколебимый авторитет среди солдат и принести множество побед России.

Мы все оставим свои следы на земле. У кого-то они будут более заметны, у кого-то менее. Но следы всех людей, подобно следам на одной огромной дороге, сплетутся в причудливый узор, называемый историей.

Марина Элли, 8г

Великий иконописец

В представлении верующего человека Страшный суд – это кульминация всей его жизни, важнейшее мгновение, когда должна решиться судьба, экзамен, к которому надо готовиться все свои дни на земле. Иконописец же, обращаясь к этому сюжету, должен был создать такую фреску, о которой нельзя было бы забыть в суете, такую роспись, которая должна была поразить воображение зрителя, и такие лики святых, которые должны были быть примерами лиц праведников.

Какую же колоссальную ответственность перед людьми несёт художник, ведь так он может очень сильно влиять на их веру, восприятие Библии, всего мира! Это Андрей Рублёв, я думаю, прекрасно понимал, но даже с таким сюжетом, как истинный художник, не боялся экспериментировать.

Во-первых, чтобы облегчить восприятие зрителя, он отказывается от греческого канона и у персонажей пишет славянскую внешность, одевает их в славянские костюмы. Тут Рублёв мне даже напомнил Мартина Лютера, который с этой же целью первым перевёл Священное писание на немецкий язык.

Также иконописец отказывается от всяких «внешних» вещей: тут не присутствуют изображения ни чёртиков, радующихся, что люди попадают в ад, ни мучений грешников, попадающих по левую руку Всевышнего. Тут нет той пафосности, трагичности и чувства неизбежного падения человечества, которое есть у многих великих художников, например, у Виктора Васнецова. А здесь – только зритель, стоящий как бы между судьей-святых, его мысли и Творец. Всё происходит, можно сказать, «с глазу на глаз».

А идея фрески скрывается в одной важнейшей детали: тут Бог ещё летит к своему трону, а не сидит на нём. Суд вот-вот начнётся, но ещё можно всё исправить. Андрей Рублёв как бы прямым текстом говорит, что ещё не всё кончено, что есть надежда не спасение.

Вклад в нашу культуру Рублёва очень велик, но назвать его фрески «следом» мне кажется слишком грубо. Это – целое наследие на русской земле. Ведь даже его эксперимент становится каноном надолго после XV века. А то, что во Владимире так много его фресок сохранилось до наших дней, делает ещё более уникальным Успенский собор в городском кремле.

Иван Пуляев, 8Г

Свертки из бересты

...Уже последние несколько часов ничего не было слышно, кроме криков воинов, плача детей и ржания коней. Люди толпами бежали мимо деревянного дома священника в надежде спастись от татаро-монголов, которые вот-вот должны были прорваться через стены города.

Все в семье священника молились, кроме служанки Настасьи, пытавшейся спасти всё, что ни попадёт под руку. Чаша, распятие, какие-то иконы... Враги уже бегут по улице, на которой жила эта семья. Вот они уже ломаются в дверь, а вскоре служанка услышала потрескивание - вокруг дома разложили костёр. Девушка принялась поспешно оборачивать свои святыни в бересту. Чего она хотела? Она не знала... Как надеялась, и надеялась ли вообще, спастись? Тоже не знала...

Враги проломили дверь. Стоит ли описывать жестокую расправу над невинной семьёй... Настасье удалось укрыться в погребе. Но долго ли продержится бочка, которой она подпёрла вход в погреб? Не лучше ли было выскочить в окно и убежать? Но Настасья уже ничего не соображала и не понимала. В глазах у неё темнело, её трясло. Дом над ней пылал. Враги вот-вот попадут в дверь и тогда... Настасью убьют? Может быть, нет... Но что станет тогда с нею, а главное с теми свёртками, которые она судорожно прижимала к груди, как последнюю надежду? Лучше не думать об этом!

Дверь поддалась. Двое татаро-монголов вбежало в погреб. Настасья подняла на них глаза, полные страха, и вскричала: "Господи!", а потом упала на пол ничком, всё ещё прижимая свёртки к груди. Всё это произошло в одно мгновение. Двое мужчин направились к ней... Но страхам

бедной девушки не суждено было сбыться, и ни она, ни её сокровища не достались врагам. Горящий дом обрушился, похоронив под собой татаро-монголов и Настасью...

“—...перед вами находятся уникальные экспонаты, этот скелет был найден на раскопках в двадцатом веке, скорее всего это была служанка священника, решившая переждать нашествие татаро-монголов в подвале, но погибшая из-за обрушения дома. В руках у неё были найдены свёртки из бересты, в которых оказались чаша, распятие и иконки. Взгляните, как прекрасно сохранились!” – возвестил голос экскурсовода.

Кто была эта девушка? Как её звали? Думала ли она, что оставит такой след? Думала ли она, что совершает подвиг? Скорее всего, нет...

Даша Сотникова, 8Г

О чём мне поведал Успенский собор

Что представляете вы при слове «Владимир»? Со слов нашего экскурсовода, большинство приезжающих сразу вспоминают Владимирский Централ и всё, что с ним связано. Однако для меня этот город всегда ассоциировался с иссиня-тёмными куполами бесчисленных церквей и старославянской культурой в целом.

Именно с такими мыслями я вошла в большие кованые ворота Успенского собора. Снаружи мне показалось очень интересным некоторое сходство стиля расположения резьбы

с романской архитектурой, а высокая башня напомнила своим сверкающим на солнце шпилем Петропавловскую крепость. Когда я вошла внутрь храма, первым делом мой взгляд приковал ослепительно пышный алтарь в стиле барокко. Никогда ещё я не видела проявлений этого стиля, зародившегося в Италии, в православной архитектуре! И чем дальше мы продвигались внутрь этого невероятного здания, тем больше разворачивалась перед нами дивная каменная симфония, сотканная из тысяч различных новых образов, гармонично-бессвязных и красочных, словно новогодний фейерверк.

В золотых обрамлениях на нас глядели многочисленные лики святых... Хотя нет, нет, это ведь живые люди, будто только что сошедшие с полотен неповторимого Эль Греко в бессмертные времена Ренессанса! При виде их мне сразу вспомнилась Флоренция во всём своём расцвете того времени.

Далее наш взор устремился на западный фасад храма, украшенный неповторимыми фресками Андрея Рублёва, плавно перетекающими в работы его византийского учителя. Взирающие на прихожан строгие лица пророков заставляют задуматься о праведности собственной жизни.

Соединяясь, разрастаясь, ведя с посетителем какой-то незримый диалог, храм действительно распахнул перед нами огромную каменную книгу, которая, в отличие от бумажных, переживёт столетия. Для меня Успенский собор стал не только белокаменной обложкой города Владимира, но и символом соединения и гармоничного сосуществования совершенно разных стилей разных культур и стран.

Маша Галеева, 8г

Белокаменный собор

Белые, высокие стены, невероятный рельеф – это первое, что ты видишь, поднимая взгляд, а дальше – золотые, сверкающие на солнце пять куполов и бесконечное чистое голубое небо. Впечатляет всё: размер, красота, узкие окна. Передо мной Успенский собор, поразивший меня с первого взгляда.

Стены, ярко освещаемые солнцем, похожи на комья ноябрьского снега. А на этом снегу узор прелых осенних листьев. Складывается впечатление, что ты смотришь на снежный замок.

Заходя в этот прекрасный замок, видишь в первую очередь тёмные стены и, через узкие проёмы, блестящий от редких лучей солнца позолоченный алтарь. Стараешься заглушать все производимые тобой звуки, чтобы услышать и почувствовать величественную атмосферу храма, прикоснуться к необъяснимой Божественной чистоте.

Но что меня поразило больше всего – фрески Андрея Рублёва. В отличие от своего учителя Даниила Чёрного, он начал изображать более живые фигуры, славянские лица.

Фреска Андрея Рублева изображает Страшный суд, а фреска Даниила Чёрного – Рай. Тонкие обожествленные лики праведников и апостолов, изображения Христа заставляют поднять глаза под купол храма.

Творчество иконописцев 14-15 веков очень интересно. Смотря на эти фрески, ты представляешь себе, как они создавались, представляешь мастеров, склонённых над работой, представляешь людей, приходящих в храм в течение пяти столетий, воображаешь, как менялась их одежда, ценности, восприятие и вера.

Этот белокаменный собор влечёт к себе взгляды, раскрывает душу. Но почему же именно он, ведь рядом стоят другие прекрасные строения? Но людям именно здесь, в Успенском соборе, хочется раскрыть себя.

Наташа Жигарёва, 8г

Лебедь, запечатленная в архитектуре

Живописная картина открылась предо мною: половина холста – синее небо, вторая половина – настоящее поле с заболоченной старицей реки Нерль, на берегу которой виднеется белая одноглавая трёхнефная церковь. Наблюдая эту по-настоящему божественную красоту, я искренне сожалею, что у великих художников-пейзажистов, например, у Левитана, нет такой картины.

Возле храма Покрова-на-Нерли воссоединились человек, природа и Бог. Здесь нет отягчающих лавок, а истинная свобода для души. На фасаде церкви видны три изящных рельефа. Мой взгляд также зацепился за искусно выделанные капители. Всё это придаёт церкви легкую и светлую красоту, нет каменной тяжести, так и хочется сказать, что вот та самая «христианства робость», которую упоминает Мандельштам в стихотворении «Norte Dame». Церковь всегда была Книгой, ведь сначала она была «Библией для неграмотных», а сейчас мы читаем по храмам историю. Ярчайшим произведением, отразившим эту идею, был роман «Собор Парижской Богоматери». При виде уединенной церкви в поле на берегу реки веет грустью, тоской, что напрямую связано с историей ее постройки. Она была воздвигнута Андреем Боголюбским в память о погибшем сыне Изяславе в битве против волжских булгар.

Храм Покрова-на-Нерли – первый собор на Руси, построенный в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Внутри также царит умиротворение, нет многоярусного «тяжёлого» иконостаса, а только легкая устремленность ввысь и прозрачно-золотистые лучи

солнца. Когда мы изучаем историю искусств или говорим о церквях, храмах, мы будто бы живем в трехмерном пространстве, только эти три пространства: внешность, внутренность и вневременная история. Многие люди почитают эту церковь, ведь она является, как мне кажется, не то чтобы венцом, а нимбом Православия, «лебедем, запечатлённым в архитектуре». Теперь я знаю историю церкви, а также главным открытием для меня стала та благодатная атмосфера, царящая в ней и вокруг неё.

Как бы мне хотелось порыбачить в излучине реки Нерль, наблюдая то за отражением белоснежного храма в зеркальной глади воды, то за бегущими по высокому небу причудливыми облаками или за волнующимся морем разнотравья, окутанным утренним туманом. Невероятное спокойствие!

Сколько веков минуло, уже и Нерль поменяла свое русло, а храм все там же посреди бескрайнего поля. Кажется, что ничего не изменилось с прошлого года, когда мы были здесь с семьей. Тогда мы возвращались на лошадках, и много-много маленьких куропаток испуганно

вспорхнули из
высокой травы, а
храм все
удалялся и
удалялся, пока не
исчез из вида... И
сейчас, когда я
снова оказалась в
этом прекрасном
месте со своим
новым

гуманитарным

классом, все воспоминания ожили в моей памяти.

Маша Нестерская, 8г

Поэма в камне

Луг... Белокаменная церковь виднеется вдали. Ты будто попадаешь в какой-то уединенный, вдали от мирской суеты уголок. Ты видишь темного цвета купола, отражающие солнечный свет, и вспоминаешь ушедших из жизни, покинувших русский народ великих людей.

Храм - это книга, читая которую, мы находим в каждом белоснежном камне строку летописного изложения, в каждой маске на фасаде зашифрована буква, слово, цитата автора Храма Покрова-на-Нерли. Храмы, словно мудрые старцы, повествуют народу о прошедших годах, веках, эпохах, показывая свой архитектурный стиль - индивидуальные черты лица, тела, но все же имея идентичное строение: чёрный купол - глава, возвышающаяся над могучими плечами старца, аркатурно-колончатый пояс храма - старинный резной ремень, переданный по наследству от отца сыну. Все храмы, как и все люди, идентичны по строению, но в то же время отличаются, имеют свои индивидуальные особенности, будь они даже в одном стиле.

Мы можем проследить особенное чередование женских масок, устремляющих свой взгляд вперёд с грифонами, химерами и другими существами. Автор ведёт чередование женских лиц, символизирующих добро, с коршунами, по обыкновению принимаемыми за зло. В этом же ансамбле

коршун покрывает своими могучими крыльями лань и закладывает в себя само название Храма Покрова Богородицы на реке Нерль. Зло передаётся сквозь бесконечную улыбку чудищ, совсем непохожую на приветливую улыбку львов, готовых проводить путников в каждую белокаменную церковь Владимиро-Суздальской земли. Возможно, в старину чудища отпугивали демонов под звон колоколов, символизировали высший порядок и были покорными лишь одному - Библейскому - Царю Давиду, восседавшему под самым куполом храма. Маски девушек, наоборот, призывали христиан к верной жизни на земле, чтобы, поднявшись на небо, душа их обрела вечный покой в раю.

Оказавшись внутри храма, первым, что я увидела, было маленькое оконце на южной части, сквозь которое пробивались светлые лучи полуденного солнца, озаряющие все внутреннее пространство храма, олицетворяя его душу и его мир.

Некоторые люди задаются вопросом: «Как камни могут поведать нам об истине нашей эпохи, о жизни Христа?» Но вероятнее всего эти люди не образованы, ибо для прочтения такой книги, как храм, нужно более чем просто умение читать.

Аня Фенстер, 8г

Поблекший след Средневековья,
Давно ушедшие года
Пред нами на стенах храмовых
Под капителию столба.

Под светлой аркой одинокой,
Как купол златых облаков,
То не рисунок – путь далёкий,
Освободившись от оков,

Минуя время, век наш новый,
Как пыльный маятник часов,
Вдруг замер и помчался снова,
Стремясь к началу тех веков,
Что нас повторно вдохновляют
Своею русской красотой...
Вновь роспись храма нам слагает
О прошлом чуде в век былой.

И вот под куполом той церкви
Звенит времён тех эха лад:
Мечи, огонь, но всё то меркнет
Пред их улыбкой, и назад

Мы возвращаемся, и будто
Мы видим мир, увядший вновь:
Всё те прошедшие минуты
И дальний звон колоколов.

Не сжечь пожаром, и не смоем
Его холодная вода,
Оживший след Средневековья,
Давно ушедшие года.

Лиза Шибанова, 8г

Погружение в историю открывает нам будущее

Знойный летний день, раскалённый воздух, изматывающая жара. И именно в этот момент я оказываюсь среди белых величественных стен, которые необыкновенным образом вдыхают в меня силы и спасают от обжигающей природы. Это Успенский собор. Каждый его камень пропитан духом истории. За многие века его стены видели многое: страшные пожары и чудесные воскрешения, набеги завоевателей и героические подвиги русского народа.

Я чувствую запах ладана, слышу негромкое церковное пение. Закрываю глаза, и воображение переносит меня в далёкое прошлое. Я перелистываю страницы истории этих древних стен. Забыв обо всем на свете, я оказываюсь на торжественном венчании на царство владимирского князя. Затем я вижу боль и страдания тех, кто принял здесь мученическую смерть, спасаясь от плена и надругательств войска хана Батыя. Вижу величественную Екатерину Вторую, которая любит старинными фресками. Эти стены являются живыми свидетелями истории Великой Руси!

Какое удивительное чувство испытываю я при виде этих стен. Как прекрасно осознание того, что ты смотришь на вековую историю нашей страны. На стенах Успенского собора есть много разных рельефов. На первом - грифоны с почестями возносят Александра Македонского на небо. На другом мы видим фигуры Сорока Севастийских мучеников, брошенных в ледяную воду озера. Далее мы видим трёх отроков, ввергнутых в раскалённую печь вавилонским царем. Но мы никогда не сможем разглядеть в их глазах страха. Они умирают, но умирают с гордо поднятой головой.

Я сравниваю Собор с умудрённым опытом человеком. К нему идут как к мудрому старцу, чтобы раскрыть душу, поделиться радостью, рассказать о горестях. К нему идут за советом и поддержкой. И он помогает увидеть то главное, что мы не замечаем в ежедневной суете. Даёт силы преодолеть все испытания, присланные свыше.

Побывав в этих стенах, я начинаю по-новому ощущать всю радость бытия. Я вижу то, чего не замечала раньше. Разговор с мамой, улыбка брата, чудесная книга - что может быть дороже этих, на первый взгляд, обыкновенных, но таких бесценных моментов. Это то, что делает нас сильными, наполняет жизнь счастьем и духовной энергией.

Погружение в историю открывает нам будущее, делая его более желанным и пронизанным духовным светом.

Арина Олейник, 8г

